

ЭТНИЧНОСТЬ ЭКОНОМИКИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В рамках междисциплинарного синтеза изучаются характерные особенности адаптации и экономического поведения этнических мигрантов на примере еврейского и немецкого населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. На обширном фактическом материале раскрываются основные механизмы и способы адаптации, исследуются структура рыночного пространства, его сегментирование по этническим признакам, характер внутри- и межэтнического взаимодействия, особенности хозяйственной специализации регионального пространства в рассматриваемый период.

На современном этапе развития исторической науки междисциплинарные исследования прочно вошли в историографическую практику. Следствием такого стремительного роста исследовательского поля истории стало широкое использование стратегий и методов социологии, социальной и структурной лингвистики, географии, демографии и других наук, что привело к переменам революционного масштаба в предметной области исторической науки, включившей такие направления, как историческая демография, историческая география, историческая экология, историческая антропология, историческая социология, этноистория. Названные «субдисциплины», имеющие различные точки соприкосновения, способны показать новый уровень и качество междисциплинарного сотрудничества и в итоге направлены на постижение индивидуальной деятельности, сознания и поведения людей в рамках синтеза индивидуального и социального в истории.

Интегральные процессы зашли так далеко, что сегодняшнее состояние гуманитарных наук дает серьезные основания говорить о синтезе методологий в историческом исследовании не как о некой сверхзадаче будущего науки, но как о реальной перспективе ее нынешнего дня.

В рамках данной статьи мы переосмыслим исторический материал, собранный и описанный на языке традиционной историографии в понятиях и концепциях социальных наук, т.е. мы представим свою исследовательскую стратегию исторического синтеза.

Этническая экономика является концептуально разработанной темой в социологической дискуссии на Западе. Существует несколько классификаций теоретических подходов к анализу этого феномена, варианты самых распространенных можно найти в работах Лайта и Уолдингера [1–2]. Сегодня практически все концепции этнической экономики исходят, главным образом, из того, что мигранты в принимающей среде становятся меньшинством. Они одновременно оказываются в «ущемленном» положении меньшинства и в то же время имеют в своем распоряжении дополнительные ресурсы, которые принято называть «этническими». Согласно Лайту, этническими являются ресурсы, которые основаны на идентификации человека с определенным этническим сообществом [3. С. 21]. Использование «этнических» ресурсов позволяет мигрантам не только найти жилье, каким-то образом обустроиться на новом месте, но также определяет их экономические стратегии. Этот феномен принято называть этнической экономикой. Экономика является этнической, если в ней участвуют представители одной этнической группы (co-ethnics) [4. С. 649]. Предполагается, что будучи этническим меньшинством, люди имеют

возможность объединиться на основе общей (разделенной) этничности и организовать совместное дело (бизнес); они доверяют друг другу лишь потому, что принадлежат к общей этнической группе. Доверие, основанное на этнической идентичности, позволяет сформировать «этнические» социальные (экономические) сети, сокращает возможные трансакционные издержки, связанные с недоверием.

Таким образом, существующее понимание «этнической экономики» в значительной степени опирается на концепт этничности и исходит из этнической принадлежности вовлеченных в нее индивидов. При этом совершенно не ясно, каким образом и кем этническая принадлежность индивидов определяется и каково влияние этнической принадлежности на собственно экономическое поведение этих индивидов.

Однако в последние годы термин и концепция «этнической экономики» стали подвергаться критическому переосмыслению с позиций «конструирования этничности». Представители данного направления, прежде всего отечественной научной школы – В. Тишков, В. Воронков, О. Бредникова, О. Паченков и другие, рассматривают феномен этничности и, соответственно, этнической экономики не в качестве реальности «своего рода», а как результат ментального конструирования. При этом предполагается, что этническая принадлежность, будучи скорее продуктом искусственного конструирования, своего рода «артефактом», чем некоторой сущностной, данной от природы характеристикой, не играет существенной роли в реализации экономических мотивов и интересов. Поэтому экономическое поведение этнических иммигрантов следует рассматривать не через призму специфических культурных символов, норм и ценностей, а с точки зрения утилитарного интереса, поиска выгоды индивидом, оказавшимся в особых условиях адаптации и испытывающим целый набор ограничений со стороны принимающей среды. По мнению сторонников концепции «конструирования этничности», наряду с утилитарными прагматическими интересами большое влияние на характер поведения этнических иммигрантов оказывают сугубо социальные характеристики, под которыми подразумевается место в сети взаимоотношений в некотором поле взаимодействий [5–7].

Следовательно, какая-либо этническая специфика экономического поведения мигрантов ставится сторонниками этого направления под сомнение; решающими оказываются факторы индивидуального, рационального выбора и позиция в сети взаимоотношений в проблемном поле взаимодействий с населением принимающей среды.

Не ставя под сомнения творческий характер социального поведения и способность манипулировать сво-

ей этничностью в зависимости от ситуации, тем не менее мы полагаем, что точка зрения сторонников концепции «конструирования этничности» не учитывает тот факт, что этничность не столько дается от рождения, сколько интериоризируется в процессе длительной социализации в рамках относительно локальных и в то же время взаимодействующих и трансформирующихся культур.

Наша исследовательская позиция состоит в том, что социально-культурные особенности, интериоризирование иммигрантов в ходе предшествующей социализации, специфика их идентичности восприятия социальной реальности, привычные практики оказывают определенное воздействие на характер экономического поведения, т.е. культура имеет значение для понимания характера хозяйственного поведения иммигрантов. В дальнейшем, говоря об «этнической экономике», мы будем понимать под этим категориальный элемент научного дискурса, позволяющий идентифицировать специфический механизм осуществления хозяйственных практик определенными иммигрантскими группами на основе преимущественной ориентации на этнические связи взаимной поддержки.

В условиях миграционной волны конца XIX – начала XX в. Западная Сибирь переживала процесс социально-экономической модернизации рыночного пространства, в котором активное участие принимали различные этнические группы, использовавшие разнообразные хозяйственные стратегии и экономические практики. В составе мигрантов, наряду с русскими, заметную роль в «экономическом пробуждении» региона играли евреи и немцы. Поэтому основная проблема данной исследовательской практики будет состоять в изучении экономического поведения названных этнических групп в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Обращаясь к теме этничности сибирской экономики, мы не претендуем на всестороннее изучение данного вопроса, а пытаемся обобщить имеющиеся в научной литературе факты и суждения.

Специфика формирования еврейской диаспоры в Сибири связана со ссылкой сюда уголовных, политических и экономических преступников из европейской части страны. По сведениям некоторых авторов, впервые евреи появились в Сибири еще в XVII в. [8. С. 22; 9. С. 105]. После того, как в 1791 г. была установлена «черта еврейской оседлости», Сибирь была исключена из числа губерний, в которых разрешалось проживать евреям. Тем не менее в начале XIX в. появляются довольно значительные компактно проживающие группы евреев в Тобольске, Каинске, Омске, Томске. Именно с этого момента, по мнению барнаульского историка Ю.М. Гончарова, можно говорить о еврейской диаспоре в Сибири [8. С. 21].

Проведение Великого Сибирского железнодорожного пути дало значительный толчок формированию еврейской диаспоры в регионе. Сенатор О.Л. Медем, ревизующий Сибирскую железную дорогу в 1911 г., свидетельствовал, что благодаря железной дороге «евреи проникли... в самые отдаленные места губерний и областей Сибири и Степного края», причем в огромном числе, в то время как права их на жительство в регионе были более ограничены, чем в Европейской России [9. С. 120].

К началу XX в. еврейское население Западной Сибири насчитывало по разным оценкам от 16 до 20 тыс. человек [8. С. 33]. Подавляющее большинство евреев, несмотря на различные ограничительные меры, предпочитало жить в городах и крупных сельских местностях. В основном это были ссыльные, их потомки и различные случайные элементы. При этом число последних стремительно возрастало. Для еврейства европейской части страны Сибирь представляла значительный интерес ввиду практически отсутствовавшего неприязненного отношения к себе со стороны местного населения и перспектив хозяйственного развития края.

Миграционные процессы конца XIX – начала XX в. привели к массовому появлению в Сибири населения немецкой национальности. Активное участие в образовании немецкой этнической группы сыграли выходцы из различных регионов Российской империи, но наибольший вклад внесли немцы Поволжья и Юга России. К 1914 г. группа сибирских немцев насчитывала около 65 тыс. человек [10; 11. С. 119].

В отличие от евреев, немецкие колонисты проживали в сельской местности Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края, Тобольской и Томской губерний [10. С. 12, 38–39; 12. С. 22–25]. Главной причиной, побудившей немцев переселяться из Европейской России в Сибирь, являлось увеличивавшееся с каждым годом безземелье [10. С. 5–6].

В миграции немцев в Сибирь имелись определенные отличия от аналогичных процессов среди русских, украинцев и белорусов. Одна из них заключается в характере поселения. Подавляющее большинство нерусских переселенцев стремилось поселиться компактно. Это приводило к образованию моноэтнических районов, в которых проживали, скажем, только немцы. Более того, немецкие села были обособлены и между собой, причем по конфессиональному признаку. Чаще всего немецкие переселенцы сохраняли уклад жизни, веру, язык и названия «материнских колоний». Так, в Сибири появились новые Хортицы, Азово, Александровка и другие «дочерние колонии» [12. С. 25].

Следует отметить, что и евреи Западной Сибири жили достаточно крупными и влиятельными общинами в городах, во многом сохраняли свои религиозные чувства и национальные особенности [8. С. 97].

В развитии этнической экономики или предпринимательства в среде мигрантов можно выделить несколько основных стадий. Первая стадия – «маргинализация» мигрантов, характеризуется максимальной сплоченностью и замкнутостью в пределах этнической группы, слабыми связями с внешней средой. Для мигрантов этот этап очень важен, поскольку определяется стратегия дальнейших действий, избираются ниши, которые можно занять на новом рынке и реализовать свой этнический потенциал с максимальной эффективностью. Этнические мигранты пытаются выжить всеми возможными способами, поэтому конкурентная борьба с местным населением за какие-то рыночные ниши только зарождается.

Изучая процесс предпринимательской активности этнических мигрантов, невозможно обойти вопрос о ее мотивах. Нам кажется, что базовой предпосылкой развития последней служит социально-экономическая маргинальность этнических мигрантов, общепризнан-

ная как фактор предпринимательства вообще. Отсутствие прочных социальных связей и аскриптивных статусов вынуждает мигрантов проявлять инициативу и предприимчивость, они более открыты для инноваций, что, безусловно, важно для любого предпринимательства, и свободны в выборе активных наступательных стратегий по сравнению с местным населением.

Действительно, многие немецкие мигранты, оставляя свои прежние занятия в различных сегментах рыночного пространства на европейской территории России, в Сибири вынуждены были приобретать новые поведенческие установки экономического взаимодействия, на что требовалось определенное время. Все это в огромной степени осложнялось проблемами языка, невстроенности в систему социокультурных норм, формальной или скрытой дискриминации, закрывающей иммигрантам дорогу к престижным занятиям.

Хозяйственная деятельность еврейского населения Западной Сибири на начальном этапе также протекала под влиянием нескольких факторов. Во-первых, занятия евреев не должны были вступать в противоречие с существующим законодательством, четко регламентирующим, что им разрешено, а что запрещено. Во-вторых, как пишет Л.В. Кальмина, «...еврейскому населению, заявившему о себе как участнике хозяйственного освоения края лишь в середине XIX века, необходимо было найти свободную нишу, чтобы “вписаться” в его экономическую структуру» [13. С. 129].

Вообще, для этнических групп экономическое (материальное) положение естественным образом выходило на передний план: здесь и возможностей продвинуться больше, а в ряде случаев и достижение высокого социального статуса в «чужом» сообществе ценилось меньше.

Вторую стадию развития этнической экономики, выражающуюся в стремительном проявлении скрытого ранее делового потенциала, бурной «экспансии» в отношении наименее защищенных рыночных ниш и проникновении в престижные сферы хозяйства, можно назвать своеобразным «расцветом» этнического предпринимательства.

Следует отметить, что этнических мигрантов привлекали далеко не все сферы экономики сибирского региона. Наиболее популярны были сельское хозяйство, розничная и оптовая торговля, ремесло, область услуг. В фабрично-заводскую промышленность включались немногие этнические мигранты – предприниматели Западной Сибири. Из других сфер менее освоены были финансы и кредит.

Обращает на себя внимание высокая доля торгово-промышленных элементов среди сибирских евреев. По данным переписи 1897 г., профессиональный состав последних представляется в таком виде: занятых торговлей – 3792 чел., в промышленности – 2810, сельским хозяйством – 825, извозом – 585, прислуги и поденщиков – 507, на государственной, общественной службе и свободных профессий – 322, неопределенных профессий – 713, в армии – 446 [14. С. 31]. По данным Ю.М. Гончарова, 30–50% евреев в сибирских городах занимались торговлей, около 30% – ремеслами, включая сложное ручное производство: часовое, ювелирное, изготовление инструментов, предметов роскоши, оптика, полиграфия. Строительством были заняты 5–6% ев-

реев [8. С. 53]. Евреи мигранты охотно шли на службу по виноторговой части, которая не пользовалась у сибиряков популярностью, и быстро там зарабатывали значительный капитал [8. С. 55].

Из 77 проживающих в 1897 г. в Тюмени купеческих семей 5 были еврейскими: И.М. Немецкий торговал готовым платьем, также как и Л.М. Брандт, И.Х. Брандт владел часовой мастерской, Р.Г. Певзнер занимался винокурением и торговлей коврами, Н.Л. Альтшуллер – ювелирной торговлей. В списке владельцев торговых фирм Тюмени за 1910 г. упоминались следующие еврейские фамилии: С.И. Айзенштадт (содержал аптеку), Л.Х. Брандт (торговал велосипедами, швейными и вязальными машинами, галантерейным товаром), И.Л. Альтшуллер (швейные и вязальные машины), Л.И. Альтшуллер (владелец ювелирного магазина) [8. С. 58]. В 1910-х гг. получили известность торговые дома «Л.И. Альтшуллер и К», «Бранд и К», «Рабинович и К», принадлежавшие лидерам тюменской еврейской общины [15. С. 16–17].

М.Я. Мариупольский был одним из самых крупных предпринимателей Омска. Торговый дом, созданный им, располагая немалым капиталом, включился в крупную оптовую торговлю хлебом, другой сельскохозяйственной продукцией на вывоз, арендовал паровую мукомольную мельницу, выстроил лучший в городе завод по производству пива и фруктовых вод [16. С. 16–17].

Крупными омскими предпринимателями были также братья Н.А. и Д.А. Гутермахеры, торговавшие лесом, мукой, фруктами. Братья являлись известными в регионе кожоторговцами [16. С. 16–17].

Доля евреев среди сибирских предпринимателей постоянно росла. По данным Ю.М. Гончарова, если в 1854 г. в числе томских купцов не было ни одного еврея, то в 1860–1880-х гг. их доля составляла 12–15%, а к 1904 г. – уже 28%. При этом лиц еврейской национальности в г. Тюмени было 6% (при 52 тыс. городских жителей) [17. С. 160]. Из томских предпринимателей можно выделить Б.Л. и М.Г. Хотимских (занимавшихся винокурением и виноторговлей), И.Л. Фуксмана (имел паровые мельницы, винокурные, кожевенные и пивоваренные заводы, занимался вино- и хлеботорговлей), братьев А.Е. и В.Е. Ельдештейн (имевшие парохозяйство и занимавшиеся ростовщичеством) [8. С. 58–61].

Черты еврейского предпринимательства в Западной Сибири были достаточно типичными для «торгового меньшинства», каковым они были практически в каждом принимающем их государстве [18. С. 141–146]. Характерным, в частности, было стремление найти свободную экономическую нишу, чтобы «вписаться» в экономическую структуру региона. В результате основным родом деятельности еврейского предпринимательства стала торговля. Евреи быстро осваивали, прежде всего, непрестижные для основного населения отрасли. В Западной Сибири такими отраслями были виноторговля и, конечно же, ростовщичество. Типичной фигурой ростовщика был тюменский купец 2-й гильдии Я.А. Яппо. Основной сферой его деятельности была дача денег в рост, ссуды под залог ценных вещей, подряды [19. С. 91].

Для еврейского предпринимательства было характерно новаторство в торговле и промышленности. Стремясь найти свободные экономические ниши, они часто осваивали новые сферы предпринимательства в

регионе. Так, омский купец Г.М. Красных одним из первых открыл в Омске торговлю фотоаппаратами и музыкальными инструментами. Впервые в его магазине были выставлены электрические часы, он пытался смонтировать первый в сибирской торговле автомат для продажи кондитерских изделий [16. С. 40].

Одна из особенностей миграционного процесса немцев в Западную Сибирь заключалась в том, что подавляющую массу среди переселенцев составляли сельские жители. Следствием этого стало их активное участие в развитии сельского хозяйства.

Немецкие сельские предпринимательские хозяйства играли важную роль в экономике Западной Сибири, являясь производителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции. Для немецкого предпринимательства в аграрной сфере были характерны отраслевая мобильность, комплексная отраслевая структура и ее круглогодичное включение в инфраструктуру рынка, совмещение торгово-посреднической деятельности с сельскохозяйственным производством. Среди крупных немецких сельских предпринимателей можно назвать хозяйства барона В.Р. Штейнгеля, Ф.Ф. Штумфа, братьев Г.И. и Я.И. Шварц, А.Ф. Гехтеря, Ф.И. Матиса в Акмолинской области, И.Ф. Вибе, Д.Н. Дика, К.К. Эзау, Р.Г. Шпехта, Н.Я. Классена в Тобольской губернии, Я.Н. Корниса в Томской губернии [10. С. 40–45; 20. С. 399–411; 21].

Собственно торговой деятельностью, отделенной от сельскохозяйственного производства, занимался также достаточно широкий круг предпринимателей-немцев. По данным омских историков Е.Л. Зашибиной и А.Г. Киселева, в 1911 г. в Омске насчитывалось 12 крупных предпринимателей немцев, торговавших сельскохозяйственными машинами, маслом и зерном [22. С. 68–69]. Значительную группу немецких торговцев составляли продавцы мануфактурных товаров. Среди коммерсантов, действовавших в этой сфере, можно назвать П.Н. Винса, И.И. Бертмана, Ю.А. Геннинга, К.К. Майера, Н.В. Мартенса и др. [22. С. 68–69]. Мелкое немецкое предпринимательство оперировало в основном с товарами широкого повседневного спроса и в сфере обслуживания. Исследования названных омских историков показали, что в г. Омске 30 хозяев-немцев владели 34 предприятиями – постоянными дворами и номерами, колбасными заведениями, бакалейными лавками. При этом удельный вес немцев в двух отраслях мелкого предпринимательства был довольно значителен: среди владельцев номеров и постоянных дворов он составлял 20,8%, в общем числе колбасных заведений – 40% [22. С. 70–71].

В развитии омской фабрично-заводской промышленности предприниматели-немцы участия практически не принимали. К числу владельцев предприятий фабрично-заводского типа принадлежали Г.Г. Шульц (типография и переплетная мастерская), Д.А. Гердер (паровая полуавтоматическая мельница), Ф.Ф. Польш (электротехническая мастерская и электростанция), Г.З. Шпрингбах (пивоваренный завод, сдававшийся в аренду И.И. Лукомскому) [22. С. 70–71].

Немецкое предпринимательство сыграло важную роль в развитии перерабатывающей промышленности на Алтае в конце XIX – начале XX в. Одна из наиболее крупных мельниц, построенных немцами на Алтае,

принадлежала Я.Н. Тьярт и находилась в поселке Гальбштадт Орловской волости Барнаульского уезда. Мельница занимала здание в три с половиной этажа, имела газогенератор, четыре вальцевые машины, две пары жерновов. Все оборудование для оснащения мельницы было приобретено в Германии. О капитальности строения и его технической «начинки» говорит то, что мельница без модернизации работала до конца 1950-х гг., обеспечивая окружающие поселок Гальбштадт населенные пункты мукой [23. С. 68–69]. В январе 1912 г. Ф. Вибе в Троицкой волости Барнаульского уезда была построена двухэтажная мельница, которая также обслуживала окрестные немецкие и русские переселенческие поселки [23. С. 68–69]. Подробных примеров можно приводить много.

Следует отметить, что если отбросить все эти отраслевые склонности, этническое еврейское и немецкое предпринимательство находило на рынке Западной Сибири несколько основных ниш, под которые выстраивались их деловые стратегии. Первая – поставка, производство или реализация этнических потребительских товаров для внутренних нужд их собственных общин. Вторая ниша связана с поставкой этнических товаров для местного населения. Третья – с удовлетворением местных потребностей в разного рода услугах, приближенных к потребителю. И, наконец, четвертая ниша предполагала заполнение слабо защищенных и неустойчивых рынков.

В ситуации, когда вчерашние мигранты занимают престижные места и, следовательно, продвигаются по лестнице социального благополучия, ухудшаются отношения с местным населением, а иногда происходит полное отторжение и выталкивание этнического меньшинства. В качестве примера можно привести антинемецкую «истерию» 1910 г., по поводу «нашествия немцев» в Западную Сибирь, и компанию по ликвидации немецкого землевладения и землепользования в Степном крае 1915 г. [10. С. 9–11, 46–50].

Третью стадию в развитии этнической экономики в среде мигрантов можно назвать своеобразной «стабилизацией», в результате которой этническое предпринимательство становится привычным элементом экономического ландшафта региона. На этом этапе сглаживаются негативные отношения, которые формировались на второй стадии. Очень часто региональные власти, увидев в этнических мигрантах не столько конкурентов на местных рынках, сколько движущую силу для некоторых сегментов экономики, дают возможность развивать им свою деятельность.

Продвижение этнического предпринимательства и его устойчивость зависели не только от степени развития экономики и собственно капиталистических отношений на микроэкономическом уровне (отсутствие жесткой конкуренции, характерной для губерний Европейской России, наличие относительно свободных ниш в экономике региона, отсталые формы предпринимательства), но и ряда внешних причин, которые способствовали или тормозили его прогресс. К их числу относятся этническая и религиозная толерантность, отношение государства к предпринимательству, политика региональной власти. Весьма существенными являются требования и ожидания, исходящие от среды

адаптации, с одной стороны, а также специфика социальных отношений, социальной культуры, норм, свойственных различным группам мигрантов – с другой [11. С. 82–108; 24. С. 245–256].

Место, которое этнические мигранты занимали в социальной системе региона, во многом определялось спецификой Сибири как региона интенсивной колонизации. Как справедливо отмечает Ю.М. Гончаров, «Сибирь издавна была перекрестком культур и народов. Русские, заселившие в XVII–XIX вв. обширные пространства за Уралом, сами были пришлыми здесь. Сибиряки с самого первого времени поселения контактировали с иными народами, верованиями, культурными традициями» [8. С. 72]. Последнее обстоятельство во многом определяло толерантность местного населения: «...оставаясь православными, сибиряк индифферентен к вопросам веры вообще. Привыкнув издавна видеть в своей среде ссыльных сектантов разных толков, затем – евреев, магометан, лютеран, католиков, приглядываясь к жизни и верованиям своих близких соседей – буддистов и шаманистов, он выработал известную веротерпимость взглядов» [15. С. 22].

Еврейское население не имело, как правило, в глазах сибиряков образа «чужака», порождающего враждебность, как это было в европейской части страны [9. С. 121; 25. С. 117]. Правда, в отличие от толерантных коренных сибиряков, чиновничество, направленное сюда на службу из Европейской России, нередко оценивало экономическую активность евреев негативно. Чиновники, прибывавшие из центра страны, несли с собой иную ментальность, характерными чертами которой были нетерпимость и антисемитизм [8. С. 69, 74–75].

Степень интегрированности коммерсантов-немцев в местное «обществе» также была очень высока. Обращает на себя внимание тот факт, что немецкие предприниматели были представлены почти исключительно в обществах, тесно связанных с экономикой края. Так, в Омском отделе Московского общества сельского хозяйства к 1916 г. 144 человека имели «немецкие» фамилии (от общего числа членов в 499 человек – 28,8%) [22. С. 74; 26]. В составе руководящих органов Омского биржевого общества в 1912 г. состояли 6 человек, занимавшие 8 должностных мест (из общего количества таких 61, или 13,1%), в том числе председателя Биржевого комитета (Ф.Ф. Штумпф) и председателя Масляной комиссии (Э.Ф. Лекке) [22. С. 74].

Современники отмечали положительное воздействие этнического предпринимательства на экономику региона. Так, интересные наблюдения о влиянии евреев на торгово-промышленную жизнь Сибири оставил С.В. Максимов: «Где зашевелились евреи, там мелочная торговля процветает: еврей делается образцом и примером для неподвижного сибиряка – горожанина, которому есть чему у него поучиться» [8. С. 77]. Вместе с тем наблюдательные современники неоднократно отмечали и обратное влияние местного населения на евреев, особенно в повседневной деятельности [8. С. 77–78].

Изучая немецкое предпринимательство в Западной Сибири, исследователи начала XX в. говорили о нем, как о «проникнутом новыми предпринимательскими началами» [27. С. 2]. О том, что эти «начала» получили известное распространение, свидетельствует такой существенный факт, как распространение немецкого языка в качестве языка делового общения в г. Омске [22. С. 75].

Таким образом, анализ вышеизложенного позволяет отметить, что в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. существовала определенная этническая специфика экономики, проявляющаяся в зонировании рыночного пространства и его сегментировании по этническому признаку, торговой и профессиональной специализации. Более того, для этнических мигрантов были характерны определенные, свойственные только им хозяйственные стратегии и экономические практики внутри этого рыночного пространства.

Специфика социальной структуры Западной Сибири и занятий местного населения во многом определили то место, которое этнические мигранты заняли в региональном социуме и экономике. Ограничивая возможность личностной самореализации для этнических мигрантов, местное общество как бы направляло всю их энергию на занятие, прежде всего, хозяйственной деятельностью. В силу этого значительная часть еврейского и немецкого населения региона занималась сельским хозяйством, розничной и оптовой торговлей, ремеслом и развивало сферу услуг. В фабрично-заводскую промышленность, финансы и кредит включались не многие этнические мигранты-предприниматели.

Новые рыночные условия, помноженные на необходимость поиска новационных хозяйственных стратегий, дали огромный всплеск предпринимательской активности. Нам представляется, что мигранты, испытывая определенное состояние отчуждения, вынуждены были интегрироваться внутри своих сообществ, создавая свои ниши в рамках регионального экономического пространства. Данная модель достаточно точно отражает механизм взаимодействия между мигрантами и принимающей средой, но она должна быть дополнена анализом социокультурной специфики партнеров по взаимодействию. Крупномасштабная иммиграционная волна начала XX в. должна была вызвать возникновение проблемы взаимной адаптации местного населения и прибывающих в новую среду иммигрантов. Речь идет не только о проблеме адаптации мигрантов, но и об адаптации населения принимающей среды к прибывающим. Вполне естественно предположить, что эта взаимная адаптация не могла проходить без осложнений и конфликтных взаимодействий.

Следует указать, что в конце XIX – начале XX в. евреи и немцы сумели успешно интегрироваться в сибирское общество и адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов как сибирского социума, так и регионального рыночного пространства. При этом этнические мигранты сохраняли основные этнические черты, традиции, чтити религиозные нормы, охраняя свою этнокультурную самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Light I. Immigrant and Ethnic Enterprise in North America // *Ethnic and Racial Studies*. 1984. Vol. 7, № 2.
2. Waldinger R. Immigrant enterprise. A critique and reformulation // *Theory and Society*. 196. № 15.

3. *Light I.* Ethnicity and Business Enterprise // Making it in America. London; Toronto, 1986.
4. *Light I., Karageorgis S.* The Ethnic Economy // The handbook of Economic Sociology. Princeton, 1994.
5. *Конструирование этничности* / Под ред. В. Воронкова, И. Освальд. СПб., 1998.
6. *Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 2.
7. *Воронков В.* Существует ли этническая экономика? Режим доступа: http://www.indepsores.spb.ru/sbornik8/8r_voronkov.htm
8. *Гончаров Ю.М.* Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2005.
9. *Савиных М.Н.* Законодательная политика российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX в. Омск, 2004. С. 105.
10. *Вибе П.П.* Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. Омск, 1996. С. 5–57.
11. *Шайдуров В.Н.* Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX в. Барнаул, 2003.
12. *Смирнова Т.Б.* Немцы Сибири: этнические процессы. Омск, 2002.
13. *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003.
14. *Турецкий Г.Б.* Евреи в Сибири // Культура и образование национальных меньшинств в Сибири. Новосибирск, 1997.
15. *Клюева В.П.* Евреи в Западной Сибири: Политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...». Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004.
16. *Киселев А.Г.* Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995.
17. *Гончаров Ю.М.* Еврейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Диаспоры. 2000. № 3. С. 160.
18. *Рабинович В.Ю.* О некоторых чертах предпринимательских меньшинств // Материалы VII ежегодной международной междисциплинарной конференции по нудайке. М., 2000. С. 141–146.
19. *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири.* Новосибирск, 1999. Т. 4, кн. 3.
20. *Вибе П.П.* Вклад немцев-предпринимателей в становление крупных культурных хозяйств в Сибири // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 399–411.
21. *Кротт И.И.* К вопросу становления и функционирования немецкого сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Немцы Сибири: История и культура. Новосибирск, 2003.
22. *Зашибина Е.Л., Киселев А.Г.* Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь: Сб. ст. Омск, 1996.
23. *Шайдуров В.Н.* Роль западных национальных меньшинств в развитии перерабатывающей промышленности Алтая в конце XIX – начале XX в. // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в.: Сб. науч. ст. Барнаул, 2004. Вып. 2.
24. *Кротт И.И.* Протестантизм и хозяйственная культура Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX в.: развитие и взаимодействие: Материалы Всерос. науч. конф. Иркутск, 2005. С. 245–256.
25. *Рабинович В.Ю.* Евреи дореволюционного Иркутска: Меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002.
26. *Государственный архив Омской области.* Ф. 199. Оп. 1. Д. 15. Л. 2; Оп. 2. Д. 1–3.
27. *Зефиров Н.* Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 октября 2008 г.